

***

Глава 17. Исследование

***

Тепло тела Избранного богом не обжигало; оно несло в себе ароматы бесплодных скалистых берегов, снега и ветра, гуляющего по пустошам в предрассветные часы. Поначалу тот учтиво придерживал профессора за затылок, но вскоре передумал: одной рукой он собственнически прижал мужчину к себе, а другой уперся в палубу, создавая надежную опору.

Сквозь мерный стук человеческого сердца Нова слышал крики матросов, доносившиеся из трюма. В его легкие забивался тяжелый запах морской соли, а издали доносился оглушительный гул, напоминающий рык первобытного чудовища — это неистовствовала вода. Палуба под ногами задрожала так яростно, словно началось землетрясение.

Золотые волосы Азуки причудливо заструились у висков. Некая сила, источником которой была его ладонь, мгновенно пронзила палубу, намертво стабилизировав судно. Затем последовало странное, лишаящее ориентации чувство невесомости, будто их затянуло в гигантский водоворот, и в ушах Броуди раздался звук чего-то разбивающегося. Корабль наталинцев прорвал водную гладь и, подобно юркой летучей рыбе, вновь оказался на поверхности моря.

«...»

Нова широко распахнул глаза, даже не заметив, как стальная хватка на его плече ослабла. Пошатываясь, он дополз до борта и вцепился в него пальцами. Суднышко мерно покачивалось на волнах под покровом иссиня-черных туч. На горизонте, словно не желая сдаваться, тучи образовали четкую границу, за которой сиял ясный, безмятежный свет. Позади них высились безмолвные, готовые обрушиться в любой миг громады исполинских волн — один лишь взгляд на них пробуждал в самой глубине души первобытный ужас. Но здесь, за преградой, этот хаос застыл, отрезанный от них невидимой чертой другого мира.

— Профессор, вы сейчас свалитесь.

Азука с долей обреченности ухватил спутника за шиворот и, словно нашкодившего кота, оттащил обратно — тот перевесился за борт едва ли не наполовину. Мужчина даже не обратил внимания на эту вольность. Лихорадочно выудив свой пергаментный блокнот, он, позабыв о всяком приличии, растянулся прямо на палубе и принялся одержимо писать. Избранный богом заглянул через плечо, но ничего не понял: страницы пестрели причудливыми формулами и знаками. Впрочем, схематичный набросок, изображающий крошечного человека на фоне титанической волны, был вполне красноречив.

Матросы, поддерживая друг друга, выбирались из трюма. Заметив господина Броуди, распластавшегося на досках в «позе молящегося», они лишь обменялись красноречивыми взглядами. Впрочем, мешать ему никто не стал — люди молча вернулись к своей работе. Азука

же зашел в каюту, отыскал там относительно чистую скамью и осторожно поставил ее перед Новой.

— Пишите на ней.

Тот выдавил из себя невнятное бормотание, похожее на благодарность, но тут же вновь погрузился в свои расчеты. Он впал в транс: то замирал, вглядываясь в даль, то ожесточенно чертил, то радостно, то разочарованно шептал что-то под нос. Со стороны это выглядело пугающе. Лишь когда корабль окончательно покинул пределы Стены Вздохов и великие волны скрылись из виду, профессор с явным сожалением отложил перо. Он привалился затылком к борту и, полускрыв глаза, устало потер виски.

— Вы в порядке?

Смеркалось. На небе проступили бледные очертания первых звезд. На мачтах лениво закачались зажженные масляные лампы. Юноша стоял перед своим невольным союзником, и его тень полностью накрыла бледное лицо черноволосого мужчины.

— Немного укачало, пустяки, — Нова нахмурился от подступившей тошноты. Было бы странно не почувствовать недомогания после многочасовых вычислений на палубе беспрестанно кренящегося судна.

Он снова потянулся за пером, желая при свете ламп систематизировать мысли, но перед глазами внезапно мелькнуло нечто золотистое — его драгоценный блокнот оказался в руках спутника.

Профессор вскинул взгляд на этого дерзкого грабителя, полуприсевшего перед ним.

— Ты...

— Капитан сварил уху. Вы ничего не ели весь день, идемте, — Избранный богом пресек все возражения мягким, но не терпящим возражений тоном. Он явно не принимал гневный взор Новы близко к сердцу.

— Я не голоден, — тон Броуди немного смягчился, но брови остались сдвинутыми к переносице. — Ешьте сами и не беспокойтесь обо мне. Верни блокнот.

Азука остался на месте, спокойно глядя на него. Он не произнес ни слова, но его решимость была почти осязаема. Выдержав паузу, Нова нехотя проворчал:

— Ладно, я понял.

«Почему у меня такое странное чувство дежавю?»

Профессор, шипя от боли, с трудом поднялся, опираясь о борт и отклонив предложенную помощь — ноги затекли от долгого сидения.

Уха оказалась неожиданно вкусной, ее тепло постепенно утихомирило спазмы в желудке. Когда матросы принялись выбрасывать кости за борт, Броуди нашел Избранного богом у кормы и требовательно протянул ладонь.

— Блокнот, — бесстрастно подчеркнул он.

— Вот, держите. Я не собирался его присваивать, — Азука не смог сдержать улыбки, глядя, как Нова поспешно прячет сокровище за пазуху. Ему даже показалось, что профессор в этот миг был по-своему... милым?

Складывалось впечатление, что если найти к этому человеку правильный подход и «погладить по шерстке», его колючий характер становился вполне сносным.

Звездное небо развернулось над ними величественным, внушающим трепет вихрем. Морской бриз был влажным и прохладным. Нова стоял рядом с юношей, замороженно глядя на звезды, которые казались пугающе близкими. На краткий миг он позволил своему разуму, отяжелевшему после еды, погрузиться в блаженную пустоту.

— Что вы думаете о том... что, возможно, никогда не станете магом? — после долгого молчания спросил Азука.

Вопрос прозвучал так, словно он намеренно задел за живое. Обычно Избранный был воплощением мягкости и понимания. Как говорил его соратник Орей, тот лучше всех умел притворяться, легко втираясь в доверие и заставляя людей раскрывать сокровенные тайны, за что те еще и оставались ему благодарны.

Но с профессором все было иначе. Азука понимал: попытайся он играть с ним в иносказания, Нова либо вообще не уловит подтекста, погрузившись в научные дебри, либо мгновенно раскусит мотив и безжалостно обличит его.

Поэтому с этим человеком было проще говорить прямо. И эта странная, небывалая легкость даже доставляла Избранному богом удовольствие.

Как он и ожидал, на лице Броуди не отразилось ни тени обиды. Профессор лишь на мгновение задумался и спокойно ответил:

— О, я предчувствовал нечто подобное, так что это скорее легкое разочарование.

Это могло прозвучать как попытка сохранить лицо, но Нова не лгал.

Маги были куда более редким и ценным ресурсом, чем воины, и их статус в обществе был несоизмеримо выше. Поэтому даже те аристократы, что не планировали делать военную карьеру, страстно желали, чтобы их дети обладали даром.

Обучение дворянских отпрысков начиналось в пять лет, хотя Нова считал это скорее промывкой мозгов. Движимый любопытством — и желая прекратить истерики госпожи Броуди — он приложил немало усилий, пытаясь постичь суть благочестия. За три месяца он изучил историю десятков богов и в совершенстве овладел искусством догматических споров. Он прошел весь путь классического образования вплоть до теологического факультета Университета Белой Башни и был уверен, что никто не превзойдет его в профессиональном притворстве. Но Нова Броуди так и остался обычным человеком.

В то же время его кузен, Перси Броуди, в восемь лет официально стал магом Света. Позже он поступил в престижную Академию магов Святого Бародо, и сейчас, в столь юном возрасте, уже имел ранг высокопоставленного апостола. Это обстоятельство доводило госпожу Броуди до безумства.

Нова был единственным сыном покойного виконта Броуди и законным наследником титула. Однако его отец скончался слишком рано, оставив молодую вдову с младенцем на руках.

Молодая вдова с титулом, землями и состоянием — лакомый кусок. Наличие сына? Пустяки. Претенденты на ее руку слетались, словно хищники на запах крови.

В тот момент Отрес Броуди, младший брат покойного виконта, обратился в Королевский совет с просьбой четко определить права на наследство. Госпожа Броуди, в свою очередь, воззвала о помощи к своему роду.

В итоге, согласно имперским законам и прошению вдовы, земли формально остались за Новой, а его мать получила право управлять ими до совершеннолетия сына, при условии, что не выйдет замуж повторно. Когда же Нове исполнится восемнадцать, Королевский совет должен был рассмотреть его кандидатуру на соответствие титулу.

Отрес Броуди вовсе не был добросердечным дядюшкой. В Империи Серебряного Ириса господствовало право первородства: старший сын забирал почти всё, оставляя остальным лишь крохи. И хотя владения Броуди были невелики и бедны, кто откажется от лишней собственности? К тому же Отрес страстно желал титула — если не для себя, то для своих детей.

Опасаясь Королевского совета и родового заклинания «Защитная песнь души», Отрес не решался на открытое убийство племянника, но не упускал случая вставить ему палки в колеса. Формулировка «подлежит рассмотрению советом» давала простор для махинаций. К тому же сам Нова не оправдывал надежд: он не только остался обычным человеком, но и умудрился стать профессором в Университете Белой Башни. Пользуясь этим, Отрес добился от совета

разрешения отложить рассмотрение прав на наследство до совершеннолетия его собственного сына, Перси. Его амбиции стали очевидны всем.

Перед отъездом из Университета Нова получил письмо от матери. Она умоляла его завести связи среди епископов Церкви Сияющего Света, чтобы осадить дядю и кузена. Но Броуди всегда пропускал такие наставления мимо ушей. Он не дорожил аристократическим статусом; жалования профессора вполне хватало на жизнь ему и матери. К тому же распри между Королевским советом, Церковью и императорской властью обострились, и Нова не имел ни малейшего желания тратить жизнь на эту бессмысленную возню.

И самое главное: Нова Броуди скорее согласился бы перебрасываться камнями с каким-нибудь приматом в глухой чаще, чем любезничать с глупцами, чье коварство было шито белыми нитями. Профессор обладал характером, не терпящим стеснений собственной природы, а его острый ум позволял ему выходить сухим из воды даже после самых эксцентричных выходов, которые приводили других в бешенство, но с которыми те ничего не могли поделать.

Внезапно Нова поднял взгляд на Азуку, собиравшегося было произнести слова утешения. В глазах мужчины вспыхнуло странное, почти пугающее воодушевление.

— Возможно, ты согласишься стать моим объектом для наблюдений и исследований? Обещаю, я не сделаю ничего, что противоречит экспериментальной этике, и не раскрою твои данные. Это мой моральный кодекс, и в этом ты можешь мне доверять.

Маги были редкостью, и за все годы у Новы так и не появилось шанса изучить их природу вблизи. Не ставить же опыты над кузеном, которого он не видел годами? Теперь, когда стало ясно, что магом ему не быть, перед ним стоял живой и уникальный образец. Их связывали партнерские отношения, Избранный богом был уникален, возможно, один из двух существующих во всем мире, и, если не считать некоторых странностей, не вызывал раздражения. Идеально.

<http://bllate.org/book/15312/1354373>